

Максим Орлов

Эхо бездны.. Книга 2: Голос Глубины

Максим Орлов

**Эхо бездны.. Книга
2: Голос Глубины**

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Эхо бездны.. Книга 2: Голос Глубины / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Мир не стал лучше — он стал другим. Капитан Виктор Громов — не герой. Он лжёт, предаёт, ошибается. И именно это делает его единственным, кто способен понять то, что проснулось в Бездне. Когда исследователь из затопленного «Нео-Шанхая» обнаруживает в глубинах Марианской впадины сигнал с математической структурой, Виктор спускается на одиннадцать километров — и находит не монстра, не древнюю цивилизацию, не врага. Он находит присутствие. Силу, которая не враждебна и не дружелюбна. Она просто есть. И она предлагает покой — такой совершенный, что от него невозможно отказаться. Зоны начинают расти. Замещают реальность. Превращают людей во что-то другое — не убивая, а переформатируя. Мир паникует. Учёные ищут оружие. Военные готовят удар. Но Виктор понимает страшную вещь: с этим нельзя бороться силой. Единственная защита — это то, что делает нас неудобными. Наши ошибки. Наша ложь. Наша неспособность быть последовательными. Наш хаос.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ТИШИНА	5
Акт I. Погружение в тайну	7
ГЛАВА 1. ГОЛОС	8
ГЛАВА 2. КОНТАКТ	10
ГЛАВА 3. ЛОЖЬ	14
ГЛАВА 4. ИЗВИНЕНИЕ	17
ГЛАВА 5. ТРЕЩИНА	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эхо бездны.. Книга 2: Голос Глубины

ПРОЛОГ. ТИШИНА

Мир не стал лучше — он стал другим.

Виктор Громов стоял на верхней палубе «Рифа» и смотрел на горизонт — на серую, маслянистую линию, где вода встречалась с небом. Три месяца назад эта линия выглядела иначе: небо было закрыто кислотными туманами, а вода поднималась метр за метром, день за днём. Теперь небо оставалось серым, но стало чистым, а вода — мутной, хотя и спокойной. Впрочем, это спокойствие было обманчивым.

«Риф» изменился. Платформы, ушедшие под воду, больше не казались просто ржавыми островами — они превратились в мемориалы. На некоторых из них установили фонари: слабые, голубовато-зелёные, они работали на «Слёзах», добытых с разрешения нового совета. Всю ночь фонари горели, словно маяки, словно память, словно напоминание о тех, кто ушёл под воду.

Люди тоже изменились. Новый совет, который возглавила Волкова, работал открыто: заседания транслировались на все частоты одновременно, и любой мог задать вопрос, предложить решение или выразить несогласие. Это было хаотично, медленно и порой раздражающе, но зато честно — впервые за двадцать лет. Правда, честность не кормила.

Бывшая крепость Совета, «Эгида», теперь служила школой, больницей и исследовательским центром. Знания, которые двадцать лет хранили для избранных, стали доступны всем. Но знания не давали еды, не давали энергии и не давали надежды.

Аня подошла к Виктору молча — так подходят люди, которым слова не нужны. Она протянула ему потёртый гражданский планшет с новым значком на экране: волна, разрывающая цепь, — эмблема нового совета.

— Капитан, — сказала она, — связь с «Нео-Шанхаем». Они что-то нашли.

— Что?

— Не знаю. Но они говорят, что это важно. Что это... меняет всё.

Виктор посмотрел на неё. В её глазах он увидел то, что замечал лишь однажды — много лет назад, когда они выходили из торпедной атаки: твёрдое решение, которое не обсуждают.

— Соединяй, — сказал он.

Экран планшета ожил, и на нём появилось лицо молодой женщины. Ей могло быть лет двадцать пять или тридцать: коротко стриженные волосы, шрам через левую бровь, форма ОДК — не новая, но чистая. В её взгляде читалось, что она слишком долго держала в себе правду.

— Капитан Громов, — произнесла она ровным голосом, — меня зовут Лина. Я исследователь из «Нео-Шанхая». Я нашла то, что вы должны увидеть.

— Что вы нашли?

— Звуки, — ответила Лина. — Глубинные звуки. Не те, что издают киты или кальмары, а другие: с иными частотами и паттернами. Они идут из Бездны, из-под одиннадцати километров.

У Виктора что-то сжалось в груди.

— Откуда вы знаете, что они из Бездны?

— Потому что я проследила их источник, — ответила Лина. — Они исходят из одной точки — из той самой, где был разлом. Из той самой, где кальмар... стал частью.

— Кальмар ушёл, — сказал Виктор. — Мы видели, как он ушёл.

— Нет, — возразила Лина. — Кальмар не ушёл. Он стал чем-то большим. И это что-то... говорит.

Виктор перевёл взгляд на Аню. Она смотрела на него без страха, с тем самым выражением, которое он видел у неё лишь однажды много лет назад: с готовностью принять решение, которое не обсуждают.

— Готовьте субмарину, — сказал он. — Мы идём вниз.

Акт I. Погружение в тайну

ГЛАВА 1. ГОЛОС

«Призрак» скользил в воду бесшумно: экспериментальное покрытие гасило звук двигателей, делая субмарину невидимой для сонаров. Но теперь, в глубине, ощущалось что-то иное — то, чего Виктор раньше не чувствовал.

— Глубина — пятьсот метров, — доложила Аня. Голос её звучал ровно, но Виктор замечал, как она чаще моргает. — Давление — пятьдесят атмосфер. Системы в норме.

— Принято, — ответил Виктор.

Он не отрывал взгляда от экрана сонара. Всё выглядело привычно: тьма, давление, холод. Но сама вода будто стала другой — словно кто-то подкрутил настройки среды.

— Капитан, — тихо произнёс Дэн, сидя у консоли вооружения. — Вы чувствуете?

— Что?

— Вибрацию. Её нет на сонаре, но она есть. В корпусе, в воде... в нас. Будто кто-то постучал по днищу, а мы не видим, кто.

Виктор на секунду закрыл глаза. И почувствовал: тихая, почти неслышимая дрожь шла не через уши, а глубже — через кости, кожу. Это было не просто колебание воды. Это было присутствие.

— Это оно, — сказал он. — Голос.

— Голос? — переспросила Аня. — Вы думаете, это... голос?

— Не знаю, — признал Виктор. — Но Лина говорила, что там есть структура. Не случайность. Это похоже на передачу.

— Передачу кого?

Виктор не ответил. Он и сам не знал. Но чувствовал: в глубине таилось нечто большее, чем кальмар, чем разлом, чем сама Бездна, — и оно пыталось что-то сказать. Что-то важное, способное изменить всё.

— Тысяча метров, — продолжила Аня. — Давление — сто атмосфер.

Виктор снова посмотрел на экран сонара: тьма, давление, холод — и эта неумолимая, едва уловимая дрожь.

— Две тысячи, — сказала Аня. — Давление — двести атмосфер.

Субмарина продолжала спуск — медленно и осторожно, словно гость, который входит в чужой дом, зная, что хозяин здесь не человек. Виктор вглядывался в иллюминатор: за толстым многослойным кварцевым стеклом простиралась тьма — абсолютная, плотная, будто живая.

— Три тысячи, — проговорила Аня. — Давление — триста атмосфер.

Вибрация становилась сильнее. Она уже не шла из воды — она шла сквозь саму планету: через породу, стекло, «Слёзы», через всё, что лежало внизу.

— Четыре тысячи, — сообщила Аня. — Давление — четыреста атмосфер.

Виктор бросил взгляд на Дэна. Инженер сидел у консоли вооружения — бледный, предельно сосредоточенный; его пальцы не барабанили по панели. Дэн не волновался — он слушал.

— Вы слышите? — тихо спросил Дэн.

— Что?

— Сигналы в вибрации. Они не случайны. Повторяются. Как телеграфная передача. Как... код.

Виктор вновь закрыл глаза и прислушался не ушами, а чем-то глубже слуха. Он уловил их: ритмичные, повторяющиеся импульсы. Не звук — речь.

— Это... кто это? — пробормотала Аня.

— Не знаю, — ответил Виктор. — Но это не кальмар. Кальмар был индивидуальностью. А это — нечто большее. Это... коллективный сигнал.

— Коллективный? — переспросил Дэн. — Чьё?

— Не знаю, — повторил Виктор. — Но мне кажется, это те, кто был здесь до нас. До кальмара, до взрыва, до людей.

Аня посмотрела на него. В её глазах не было страха — только то самое выражение, которое Виктор видел лишь однажды, много лет назад, во время торпедной атаки на «Нео-Шанхай». Это было решение. Решение, которое не обсуждают.

— Пять тысяч, — сказала она. — Давление — пятьсот атмосфер.

Субмарина шла дальше — так же медленно и осторожно, будто каждый метр вниз был шагом в чужую, древнюю реальность. Виктор смотрел в иллюминатор — в тьму, давление, холод — и продолжал слушать. Эти сигналы шли из глубины, из самой толщи мира. Что-то ждало здесь миллионы лет. И наконец нашло, к кому обратиться.

— Шесть тысяч, — проговорила Аня. — Давление — шестьсот атмосфер.

Дрожь усилилась. Теперь она проникала внутрь: сквозь кости, кровь, мысли. Виктор чувствовал, как эти ритмичные импульсы входят в него, словно слова на неизвестном языке — непонятные, но ощутимые каждой клеткой.

— Семь тысяч, — сообщила Аня. — Давление — семьсот атмосфер.

— Капитан, — тихо позвал Дэн. — Сонар.

— Что?

— Что-то большое. Дистанция — тысяча метров. Глубина — семь тысяч пятьсот метров. Двигается медленно. Прямо на нас.

Виктор перевёл взгляд на экран. На нём проступал силуэт — огромный, тёмный, пульсирующий. Не кальмар: кальмара было бы видно целиком. Это было нечто иное — нечто, заполнявшее воду от края до края, от дна до поверхности. Не существо, а... сама среда, ставшая передатчиком.

Дэн хмыкнул едва слышно:

— Ну, если это приглашение, то оформлено с размахом.

— Кто — они? — спросила Аня.

— Не знаю, — ответил Дэн. — Но думаю, это те, кто ждал. Те, кто... звал нас.

Виктор смотрел на экран — на пульсирующий силуэт, на тьму, на нарастающую вибрацию. И вдруг всё встало на свои места.

Они спустились не для того, чтобы что-то найти.

Их позвали.

ГЛАВА 2. КОНТАКТ

Темнота пахла ржавчиной.

Виктор стоял у обзорного порта, чувствуя этот запах не носом, а чем-то глубже — будто он въедался в кости. Запах металла, работающего на пределе. Запах сварных швов, что пели под давлением. Запах смерти, отложенной на неопределённый срок.

Он не обернулся и не сел в капитанское кресло — просто остался стоять у маленького, толстого, многослойного кварцевого круга, за которым лежала тьма, и эта тьма не была пустотой: она была чем-то.

Уже три месяца он не спал нормально, три месяца просыпался с ощущением, что за дверью кто-то стоит. Не человек и не призрак — а нечто, что ждало и звало его. Не словами — он не слышал слов, — а самой пустотой в груди, которая ощущалась не как отсутствие, а как присутствие.

Он вернулся не потому, что должен был или кто-то его послал, а потому, что не мог иначе. То, что он видел три месяца назад — кальмар, входящий в разлом, — не отпускало его, как и мысль о том, что Елена и двенадцать человек с «Горгоны» не умерли, а остались там, в темноте, в холоде, под давлением, способным ломать сталь. Он должен был понять, что случилось с командой, что происходило с ним самим и что вообще творилось в этой бездне.

— Десять тысяч, — сказала Аня. — Давление — тысяча атмосфер.

Стеклянный Кратер. Эпицентр. Место, где двадцать лет назад «Объект-7» превратил породу в стекло.

Виктор посмотрел вниз.

«Слёзы» были там — тысячи, десятки тысяч. Голубовато-зелёный свет — холодный, чужой, не земной. Они пульсировали медленно, ритмично, с интервалом ровно в четыре секунды.

— Сонар, — коротко бросил Виктор.

Аня посмотрела на экран и молчала несколько секунд, будто пыталась заставить цифры сказать больше, чем они сообщали.

— Капитан... под нами — что-то.

— Размер?

— Сонар не фиксирует границы. Четыреста метров. Может, больше.

Виктор перевёл взгляд в обзорный порт — и увидел.

Это была сеть: тонкие светящиеся тяжи расходились во все стороны, пульсировали, дышали, светились. Не как техника. Не как природа. Как нечто третье.

— Что это? — спросил Дэн.

— Не знаю, — ответил Виктор.

Он смотрел на экран и понимал одно: это не существо, не машина и не геологическая аномалия. Это было нечто, не вписывающееся ни в одну категорию.

Тяжи начали двигаться — плавно, целенаправленно, словно заранее знали, куда нужно тянуться, и тянулись в сторону «Призрака».

— Оно знает, что мы здесь, — сказал Виктор.

— Откуда? — спросил Дэн.

— Потому что движется к нам.

— Может, это не интерес, — проговорила Аня. — Может, это охота.

Виктор посмотрел на неё. Она была права. Они ничего не знали, а потому додумывали: видели сеть — и интерпретировали, видели тяжи — и наделяли их смыслом, видели в этом себя.

— Продолжаем, — сказал он.

— Виктор... — начала Аня.

— Продолжаем.

«Призрак» начал снижение — медленно, осторожно, будто сам корпус не хотел опускаться ниже. Давление росло: тысяча десять, тысяча двадцать, тысяча тридцать. Корпус стонал низко, протяжно — звук, который проходил через металл, через кресло, через кости.

— Одиннадцать тысяч, — сообщила Аня. — Давление — тысяча сто атмосфер. Мы на пределе.

— Знаю.

Святящиеся волокна приблизились и обвили корпус «Призрака» — не нежно, не осторожно. Как удав. Как хватка. Как захват.

— Капитан, — тихо сказал Дэн. — Я... я чувствую что-то в голове. Как будто кто-то листает меня. Быстро. Без интереса.

Виктор почувствовал то же. Не голос. Не слово. Что-то, что входило напрямую, минуя уши и глаза. Как сканирование.

— Оно читает нас, — сказал Виктор.

— Зачем? — спросила Аня.

— Не знаю.

Он закрыл глаза, пытаясь удержать собственную мысль, не дать ей рассыпаться, и увидел не образы и не видения — а данные. Перед ним пронеслись параметры: температура тела, давление крови, частота сердцебиения, электрическая активность мозга, химический состав. Он увидел Аню. Дэна. Елену. Не как людей, не как друзей, а как биомассу, органику, ресурс — материал, переработанный сетью.

Сеть не помнила Елену. Не любила. Не скорбела. Использовала. Как использовала кальмара. Как использовала всё, что попадало в неё. Это не было злом. Не было добром. Это было безразличием — абсолютным, холодным, тотальным. Сети было всё равно.

— Виктор, — голос Ани звучал далёко. — Виктор, что с тобой?

Он открыл глаза. Аня сидела у штурвала неподвижно, пальцы побелели на рукоятках. Она плакала — не от катарсиса, а от ужаса.

— Я вижу, — прошептала она. — Всё. Миллионы лет. Океаны. Континенты. Жизнь. Смерть. Я вижу маму. Ту, что умерла, когда мне было семь. Я чувствую, как она обнимает меня...

— Нет, — резко сказал Виктор. — Её здесь нет. Здесь — данные о ней. Память о ней. Не она.

— Но я чувствую её!

— Это сеть, — перебил он. — Она показывает тебе то, что ты хочешь увидеть. Манипулирует памятью, чтобы ты сделала то, что ей нужно.

— Что она хочет?

Виктор посмотрел на волокна, обвившие корпус, тянувшиеся в сторону судна, проникавшие в их головы, и понял: с этим нельзя бороться силой, оружием или технологией. Сеть была больше, старше, она была везде. Бороться можно было только одним способом — отказаться.

— Аня, — сказал он. — Включи двигатели. Полный ход вверх.

— Но... оно не отпустит нас.

— Тогда мы оторвёмся.

— Как?

— Манипулятор. Волокна. Мы их отрежем.

Аня смотрела на него с шоком — не от предложения, а от того, что он говорит это всерьёз.

— Виктор, это... это живое. Это разум.

— Это угроза, — перебил Виктор. — Не друг. Не враг. Сила. Как давление. Как холод. Как шторм. С ней нельзя договориться. Её можно только пережить. Или погибнуть.

— Но мы можем...

— Мы не можем, — отрезал он. — Мы люди. Мы слабы. Конечны. Не готовы к этому. Если расскажем миру — мир сойдёт с ума. Люди будут приходить сюда, пытаться «контактировать», умирать миллионами.

— Тогда мы должны...

— Мы должны лгать, — сказал Виктор. — Сказать, что Бездна пуста. Что кальмар — просто кальмар. Что сеть — просто сеть. Что ничего не изменилось.

— Это ложь.

— Да, — кивнул он. — Но это единственная ложь, которая спасёт людей.

Он перевёл взгляд на Дэна.

— Манипулятор, — сказал он. — Готов?

Дэн смотрел долго, внимательно. В его глазах шла борьба: между желанием остаться и желанием жить, между мечтой увидеть маму и желанием увидеть небо.

— Готов, — наконец выдохнул он.

— Аня, — Виктор не повышал голоса, но в нём не осталось места для возражений. — Двигатели. Полный ход вверх. Сейчас.

Она смотрела на него ещё секунду. Ещё две. Потом кивнула — медленно, как человек, который понял, что назад пути нет.

— Включаю, — проговорила она.

Щелчок. Гул двигателей ожил — громко, пронзительно, на пределе. «Призрак» рванул вверх — резко, неохотно, как животное, не желающее умирать.

Волокна, обвившие корпус, затянулись сильнее, тянули вниз, не отпускали.

— Манипулятор! — крикнул Виктор.

Дэн ударил по кнопке. Трёхметровая рука из титанового сплава выдвинулась медленно, осторожно, как сапёр, несущий бомбу. Виктор сам повёл её, отодвинув Дэна, — к ближайшему волокну. К тому, что было толще остальных. К тому, что пронизывало их головы.

— Контакт, — сказал он. — Режу.

Пальцы манипулятора сомкнулись. Волокно — тонкое, светящееся, пульсирующее — сопротивлялось. Оно было живым. Кричало не звуком, а чем-то иным: тем, что входило в головы, умоляло, обещало, угрожало.

Виктор не слушал.

Нажал кнопку — и манипулятор отрезал волокно.

Взрыв был тихим. Просто волокно исчезло: растворилось, превратилось в свет, рассеявшийся в воде.

И в их головах что-то оборвалось.

Аня вскрикнула — не от боли, а от потери, от ощущения, что у неё что-то отняли, что что-то умерло.

Дэн заплакал — тихо, не стеснясь. Как ребёнок, потерявший маму снова.

Виктор не плакал. Он чувствовал пустоту. Пустоту, которая была не отсутствием, а присутствием — присутствием того, что он сделал. Того, что отнял. Того, что уничтожил.

— Ещё, — сказал он.

Дэн посмотрел на него с ужасом, непониманием. Может, даже с ненавистью.

— Виктор... хватит...

— Ещё, — повторил Виктор. — Пока не отрежем все.

Дэн не двигался.

Виктор смотрел на него долго, внимательно — и увидел в его глазах нечто неожиданное. Не страх. Не гнев. Жалость. Жалость к нему. К капитану, который убивал то, что могло спасти их всех.

— Дэн, — спокойно, но твёрдо сказал Виктор. — Если ты не сделаешь это — сделаю я.

Дэн смотрел ещё секунду. Ещё две. Потом кивнул — так же медленно, как Аня до этого. Как человек, который понял: назад пути нет. Как человек, который понял, что капитан уже не тот, кем был раньше.

Он ударил по кнопке.

Манипулятор отрезал ещё волокно. Ещё. Ещё.

«Призрак» рвался вверх — сквозь воду, сквозь волокна, сквозь то, что тянуло их вниз. Корпус стонал. Переборки скрипели. Металл пел свою последнюю песню.

И в их головах что-то утихало. Что-то отступало. Что-то отпускало.

Волокна, обвившие корпус, одно за другим исчезали, растворялись, превращались в свет, рассеивавшийся в воде.

И наконец «Призрак» вырвался.

Свободный.

Один.

Живой.

— Курс вверх, — сказал Виктор. — Полный ход.

— Принято, — ответила Аня. Голос был хриплым. Чужим.

Они всплывали в тишине. Никто не говорил, никто не искал взгляда другого. Виктор не нуждался в словах, чтобы понимать: каждый из них сейчас замкнут в себе, каждый переваривает случившееся, и все они знают одно — они уже не те, кем были до погружения.

Сам он стоял у порта, не в силах отвести взгляд от тьмы внизу. Там осталась сеть. Осталось то, что он уничтожил. То, что он теперь считал предательством — не потому, что оно было добрым, а потому, что это был единственный выход, который он смог найти, и другого пути просто не существовало.

Правильно ли он поступил? Он не знал. Но знал, что выбора больше нет: он сделал то, что должен был, и теперь будет жить с этим — каждый день, каждую ночь, до самого конца.

«Призрак» шёл вверх, сквозь толщу воды, к свету, к миру. К людям, которым придётся сказать ложь. К правде, которую он сохранит только для себя. К одиночеству, которое примет как плату и понесёт его один. Навсегда.

ГЛАВА 3. ЛОЖЬ

Всплытие заняло четыре часа. Всё это время Виктор стоял у иллюминатора, глядя, как вода за бортом меняет цвет — с чёрной на серую, с серой на мутно-зелёную, пока наконец не появилась та маслянистая, отравленная поверхность, которую они называли домом. Облегчения не было. Внутри росла пустота, тяжёлая и холодная, словно кто-то вынул из него нечто важное и не сказал, что именно.

Аня вела сферу молча. Её руки на штурвале двигались с той же механической точностью, с которой они работали на глубине. По напряжённым плечам, по редким морганиям Виктор видел: она чувствует то же самое. Потерю чего-то, чего она не могла назвать. Потерю мамы. Потерю Елены. Потерю надежды на то, что внизу есть нечто большее, чем просто тьма и давление.

Дэн сидел у консоли манипулятора и смотрел на пустое место, где ещё несколько часов назад была гидравлическая рука. Он не плакал, а просто смотрел в никуда, в ту пустоту, которая осталась после того, как они отрезали нити. После того, как убили то, что могло спасти их всех — или, может быть, погубить.

— Девять тысяч, — сказала Аня. Её голос звучал ровно, слишком ровно, и Виктор понял: она держится из последних сил. — Давление — девятьсот двадцать атмосфер.

— Принято, — ответил он, не отрывая взгляда от иллюминатора.

Он думал о том, что скажет миру, что скажет Крассу, что скажет себе. Знал: должен лгать. Правда убьёт людей. Правда о том, что внизу живёт нечто, существовавшее задолго до них, не любит, не помнит, не скорбит, а просто использует всё, что попадает в неё, — использует как ресурс, как биомассу. Если люди узнают это, они сойдут с ума. Потянутся сюда миллионами, чтобы попытаться «контактировать», «понять», «стать частью». И будут умирать, потому что сеть не договаривается. С ней можно только пережить — или погибнуть.

— Что мы скажем? — спросил он наконец, повернувшись к ним.

Тишина повисла в рубке, тяжёлая и густая. Аня не ответила сразу. Дэн тоже. Они знали, что он имеет в виду. Знали: он уже решил.

— Мы скажем правду, — произнесла Аня. В её голосе было не осуждение, а нечто похожее на жалость. Жалость к нему, к Виктору, к человеку, который убивал то, что могло спасти их всех.

— Нет, — ответил он. Слово прозвучало твёрже, чем он хотел. — Люди не имеют права знать. Знание убьёт их. Они не поймут, не смогут. Они слишком слабы, слишком конечны.

— Тогда пусть умирают, — сказала Аня. В её глазах был тот свет, который Виктор видел только у тех, кто верил во нечто большее, чем сама жизнь. — Пусть умирают, зная правду. Это лучше, чем жить во лжи.

Виктор посмотрел на неё долго, внимательно. Увидел в её глазах веру: веру в то, что правда спасёт, веру в то, что люди поймут. Веру, которой он сам не разделял. Потому что видел внизу не спасение, а безразличие — абсолютное, холодное, тотальное. Сеть не любила их, не помнила, не скорбела. Она просто ждала, когда они придут сами.

— Мы будем лгать, — сказал он. Голос был ровным, без драматизма: просто констатация факта, решения, от которого он не отступит. — Мы скажем, что ничего не было. Что Бездна пуста. Что кальмар — просто кальмар. Что сеть — просто сеть.

— Это предательство, — прошептал Дэн. В его голосе была не злость, а усталость человека, который понял: капитан уже не тот, кем был раньше, а мир — не тот, каким казался.

— Да, — согласился Виктор. Ему хотелось объяснить, что это не предательство, а защита: ложь — единственное, что может удержать людей от безумного желания спуститься вниз и

стать частью чего-то, что не хочет их частью, а хочет их переработать. Однако слова не приходили, потому что он сам не был уверен в правильности своего решения.

Они всплывали молча: не разговаривали, не смотрели друг на друга. Каждый думал о своём, каждый чувствовал своё, каждый знал: они больше не те, кем были до погружения. Нечто сломалось между ними — нечто, что нельзя починить словами, что можно только нести. Нести, как несут тяжесть, как несут вину, как несут память о том, что они сделали и чего не сделали.

— Пять тысяч, — сказала Аня. Голос её был хриплым, чужим.

Виктор закрыл глаза на секунду и увидел сеть: тонкие, светящиеся, пульсирующие нити, обвивавшие корпус «Призрака», входившие в их головы, читавшие их мысли. Увидел Елену — не как человека, не как друга, не как героя, а как биомассу, как органику, как материал, ставший частью сети, переставший быть Еленой. И понял: Аня права. Это предательство. Предательство Елены, предательство двенадцати человек с «Горгоны», предательство всех, кто умер, веря в смысл своей жертвы.

Однако он всё равно будет лгать. Правда убьёт больше людей, чем ложь. Люди не готовы к тому, что внизу есть нечто, не любящее их и не ненавидящее, а просто существующее — существующее, как существует давление, как существует холод, как существует шторм. И с этим нельзя договориться: это можно только пережить или погибнуть.

«Призрак» пробил поверхность. Виктор увидел небо — серое, кислотное, закрытое туманом. Но небо. Горизонт был размытым, но был. Волны были тяжёлыми, но были. Они вернулись в мир, который больше не был тем, каким был вчера. В мир, который он обманул, чтобы спасти. В мир, который никогда не узнает правды, потому что правда слишком тяжела для него.

— Связь, — сказал он. — «Риф».

Аня настроила частоту, и через помехи пробился голос Красса — хриплый, напряжённый, голос человека, который привык отдавать приказы и не привык ждать.

— Громов? Ты жив?

— Жив, — ответил Виктор. Голос его был ровным, без следов того, что он пережил внизу, без следов лжи, которую он только что решил сказать.

— Что там? Что вы нашли?

Виктор посмотрел на Аню, на Дэна. Они смотрели на него, ждали, что он скажет, ждали, что он солжёт. Он открыл рот, и слова пошли сами, легко, словно он репетировал их всю жизнь, словно всегда знал: придётся лгать, придётся предавать, придётся нести эту тяжесть в одиночестве.

— Ничего, — сказал он. — Там пусто. Сеть — просто сеть. Кальмар — просто кальмар. Ничего не изменилось.

Тишина в динамике была долгой, тяжёлой. Виктор слышал дыхание Красса, слышал, как тот думает, как решает, верить ему или нет. Наконец Красс спросил:

— Ты уверен?

— Да, — ответил Виктор. Слово прозвучало твёрже, чем он чувствовал себя внутри.

— Тогда возвращайтесь. У нас здесь новости.

— Какие?

— Совет «Кроны». Они хотят говорить с тобой. Хотят извиниться.

Виктор закрыл глаза на секунду. Увидел Вольфа, Морозову, Лебедева — тех, кто сидел за круглым столом из настоящего дерева и решал, кто достоин жить, а кто нет; тех, кто назвал миллионы людей «лишними»; тех, кто взорвал бомбу; тех, кто убил Елену. Они хотели извиниться не потому, что раскаялись, а потому, что проиграли. Потому что мир узнал правду о них, и теперь они пытались спасти себя, свою репутацию, свою жизнь.

— Хорошо, — сказал он. — Мы возвращаемся.

— Принято. Ждём вас.

Динамик щёлкнул, и в рубке снова стало тихо. Виктор услышал, как стучат три сердца в трёх разных грудях. Три сердца, которые бились в одном ритме, но чувствовали разное, думали разное, знали разное.

— Капитан, — тихо сказала Аня. В её голосе не было вопроса — только утверждение, констатация факта, который она приняла и с которым не собиралась спорить. — Мы сделали то, что должны.

— Не знаю, — ответил Виктор. Это была правда — единственная, которую он мог сказать сейчас: он не знал, правильно ли поступил. Не знал, спасёт ли ложь людей или убьёт их. Не знал, предательство это или защита. Не знал ничего, кроме того, что будет лгать, будет нести эту тяжесть, будет жить с этой виной.

Аня посмотрела на него. В её глазах не было ни гнева, ни ненависти, ни жалости. Было нечто другое, что Виктор не мог назвать, — нечто похожее на принятие, на понимание того, что они больше не те, кем были. Что они — лжецы, предатели, убийцы того, что могло спасти их всех. И что они будут жить с этим, будут нести это, будут молчать об этом.

— Курс на «Риф», — сказала она. Голос её был ровным, без следов того, что она чувствовала, без следов лжи, которую она только что согласилась сказать.

— Принято, — ответил Виктор.

«Призрак» пошёл вперёд, сквозь мутную, густую, непроницаемую массу, сквозь туман, сквозь волны. Виктор смотрел в иллюминатор на воду, на небо, на горизонт. Он не знал, правильно ли поступил. Не знал, что будет дальше. Знал только, что они идут к «Рифу», что им предстоит встреча с Советом, что ему придётся смотреть Вольфу в глаза и лгать ему в лицо. Знал: это будет самая большая ложь в его жизни. Ложь, которая спасёт мир, но убьёт его самого.

Аня что-то сказала Дэну, тихо, почти шёпотом. Дэн кивнул, не глядя на неё. Виктор не стал переспрашивать. У них теперь были свои разговоры, свои мысли, свои решения, в которые его не посвящали. И это тоже было правильно. Они имели право злиться на него, имели право не доверять, имели право молчать.

Он снова посмотрел в иллюминатор. Вода за бортом была мутной, отравленной, мёртвой. Однако это была их вода. Их мир. Их ложь. И он нёс её — всю, до последней капли, до последнего слова, которое ему предстояло сказать.

ГЛАВА 4. ИЗВИНЕНИЕ

«Риф» встретил их тишиной, какой Виктор не помнил за все годы, что знал это место. Обычно Кладбище Платформ гудело: сварка, дизельные генераторы, крики наёмников, музыка из баров. Сейчас платформы стояли молча, и только скрип тросов да плеск воды нарушали эту тишину. Люди на палубах двигались медленно, без обычной суеты, и Виктор понял: новость о возвращении Совета уже дошла до них.

«Призрак» подошёл к третьей платформе, и магнитные захваты щёлкнули с тем сухим звуком, который Виктор слышал сотни раз, но сегодня он показался ему чужим. Люк открылся, и внутрь хлынул воздух — холодный, пахнувший солью, ржавчиной и чем-то сладковатым, гнилым. Виктор вдохнул и почувствовал, как эта сладость оседает на языке. Запах «Рифа». Запах дома, который он предал.

Красс ждал их на палубе. Барон стоял в центре, окружённый десятком наёмников. Виктор сразу заметил, что лица у них напряжённые, руки лежат на цевье оружия, хотя никто его не держит. Красс был одет в тот же старый военный китель ОДК, что и всегда, но теперь китель был абсолютно выглажен, пуговицы отполированы. Барон готовился к встрече, и это насторожило Виктора больше всего: Красс не готовился к встречам. Он принимал их такими, как есть.

— Громов, — сказал Красс, когда Виктор, Аня и Дэн спустились на палубу. Голос его был хриплым, но ровным, без той обычной хрипотцы, которая появлялась, когда Барон злился или радовался. — Ты вернулся.

— Вернулся, — ответил Виктор.

— С пустыми руками, — сказал Красс. Не вопрос. Утверждение.

— Да.

Красс посмотрел на него долго, внимательно, и Виктор увидел в его глазах то, чего не ожидал. Не разочарование. Не гнев. Что-то похожее на облегчение. Как будто Барон надеялся, что Виктор найдёт внизу что-то, что изменит всё, и одновременно боялся этого. А теперь, когда Виктор вернулся с пустыми руками, Красс мог выдохнуть. Мир оставался таким, каким был: предсказуемым, понятным.

— Хорошо, — сказал Красс. — Тогда идём. Они ждут.

Он повёл их через платформы — по шатким мосткам, соединявшим нефтяные вышки, по палубам грузовых кораблей, врезавшимся в ржавые корпуса танкеров. Виктор шёл и смотрел по сторонам. Люди останавливались, смотрели на них, и в их взглядах было то, что он не мог назвать. Не любопытство. Не уважение. Что-то похожее на жалость — жалость к тем, кто спустился в Бездну и не нашёл там ничего.

Центральный модуль «Рифа» был подготовлен к встрече. Стол — настоящий, из дерева, привезённый, наверное, из «Эгиды», — стоял в центре помещения. За ним сидели трое: Вольф, Морозова, Лебедев. Те самые, что двадцать лет назад взорвали «Объект-7». Те самые, что называли миллионы людей «лишними». Теперь они выглядели иначе. Не как хозяева мира. Не как спасители. Как старики, которых привезли сюда под конвоем, чтобы они сказали слова, которые от них требовали.

Вольф был бледен, его лицо покрылось новыми морщинами, руки дрожали, когда он клал их на стол. Морозова сидела прямо, но глаза её были пустыми, будто она смотрела не на Виктора, а сквозь него. Лебедев — тот самый, что уничтожил данные о «Слёзах», — нервно поправлял очки, и пальцы его были в чернильных пятнах, словно он писал что-то в камере перед тем, как его привезли сюда.

Рядом, у стены, стояла Волкова — новая глава совета представителей. Она не села за стол, она стояла, как страж, как свидетель. Её лицо было спокойным, но Виктор видел в нём то, чего раньше не замечал: усталость. Не физическую. Усталость от того, что ей пришлось

организовать этот суд, этот спектакль, этот акт справедливости, который был нужен не столько осуждённым, сколько тем, кто смотрел.

— Капитан Громов, — сказал Вольф. Голос его был тихим, без той мягкости, которая раньше настораживала Виктора. Теперь это была просто усталость. — Мы рады, что вы вернулись живыми.

— Спасибо, — ответил Виктор. Слово прозвучало фальшиво даже для него самого.

— Мы хотим извиниться, — продолжил Вольф. — Перед вами. Перед всеми, кто живёт на «Рифе», в «Нео-Шанхае», в горных анклавах. Мы ошиблись. Двадцать лет назад мы приняли решение, которое убило миллионы. Мы верили, что это необходимо. Верили, что спасаем человечество. Мы ошибались.

Виктор смотрел на него и чувствовал, как внутри растёт нечто холодное. Не гнев: гнев был бы проще, его можно выплеснуть и забыть. Это было презрение — к человеку, который двадцать лет сидел за круглым столом из настоящего дерева и решал, кто достоин жить, а теперь, когда его поймали, говорит, что ошибался. Не потому, что понял, а потому, что проиграл.

— Вы не ошибались, — сказал Виктор. — Вы делали то, что считали правильным. Вы рассчитывали. Взвешивали. Решили, что миллионы жизней — приемлемая цена за выживание остальных. Это не ошибка. Это выбор.

Вольф посмотрел на него. Долго, внимательно. И Виктор увидел в его глазах облегчение. Как будто Вольф надеялся, что Виктор скажет «я прощаю вас», и теперь, когда Виктор не простил, Вольф мог перестать притворяться.

— Да, — сказал Вольф. — Это был выбор. И мы несём за него ответственность.

— Тогда несите, — ответил Виктор. — Но не ждите, что я скажу, будто всё в порядке. Что всё простительно. Что вы — хорошие люди, которые сделали плохое. Вы — плохие люди, которые сделали то, что считали хорошим. И это хуже.

Морозова подняла голову. Впервые за всё время.

— Капитан, — сказала она. Голос её был ровным, холодным, как вода на глубине восемь тысяч метров. — Мы здесь не для того, чтобы вы судили нас. Мы здесь, чтобы извиниться. Чтобы мир услышал. Чтобы те, кто потерял близких, знали, что мы признаём свою вину.

— Тогда признавайте, — ответил Виктор. — Но не ждите, что это что-то изменит. Мёртвые не воскреснут. Утопленные не всплывут. Ваши извинения — это слова. Слова, которые нужны вам, не им.

Тишина повисла в помещении, тяжёлая, густая. Виктор видел, как наёмники Красса переглядываются, как Волкова сжимает кулаки, как Лебедев нервно поправляет очки. И понимал, что зашёл слишком далеко. Что должен был сказать что-то другое — что-то, что дало бы людям надежду, смысл, веру в то, что справедливость существует. Но слова не приходили. Потому что он сам не верил в это. Потому что сам только что солгал всему миру, сказав, что Бездна пуста, что сеть — просто сеть, что ничего не изменилось. И это предательство было тяжелее любого преступления Совета.

— Капитан Громов, — сказал Лебедев. Голос его был тихим, но твёрдым, и Виктор увидел, что учёный смотрит на него не со страхом, не с презрением, а с чем-то похожим на любопытство. — У меня к вам вопрос. Технический.

— Слушаю, — ответил Виктор.

— Вы сказали, что Бездна пуста. Что сеть — просто сеть. Что кальмар — просто кальмар. Но вы спустились на одиннадцать километров. Видели стекловидную породу. Видели «Слёзы». Видели разлом, закрытый резонансным генератором. И говорите, что ничего не изменилось.

— Да, — сказал Виктор. — Ничего не изменилось.

— Тогда объясните мне, — продолжил Лебедев, — почему сонар «Призрака» зафиксировал аномалию на глубине одиннадцать тысяч метров. Аномалию размером четыреста метров. Аномалию, которая пульсирует с интервалом в четыре секунды. Что это, капитан?

Виктор почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он не ожидал этого вопроса. Не ожидал, что Лебедев, тот самый Лебедев, что уничтожил данные о «Слёзах», будет задавать ему технические вопросы. Думал, что учёный будет молчать, сидеть, принимать свою участь. Но Лебедев не принимал. Лебедев спрашивал.

— Это... — начал Виктор и остановился.

Он мог сказать правду: что это сеть. Что это нечто, существовавшее задолго до них. Что это безразличная сила, перерабатывающая биомассу. Но это означало раскрыть всё. Означало, что его ложь будет раскрыта. Означало, что люди узнают о сети, и всё, чего он боялся, случится.

Он мог солгать снова: сказать, что это геологическая формация. Остаточная активность разлома. Ошибка сонара. Но Лебедев — учёный. Он знал, что геологические формации не пульсируют с интервалом в четыре секунды. Знал, что разлом закрыт. Он бы не поверил.

Он мог сказать, что не знает. Что не обратил внимания. Что был занят другим. Но это значило признать свою некомпетентность. Признаться, что спустился на одиннадцать километров и не заметил аномалию размером четыреста метров. В это тоже никто не поверил бы.

Виктор посмотрел на Аню. Она стояла рядом, молча, и в её глазах было ожидание — ожидание того, что он сделает, что скажет, как выкрутится.

Он посмотрел на Дэна. Инженер стоял, опустив голову, и не смотрел ни на кого. Его пальцы лежали на консоли манипулятора — на той самой консоли, где ещё несколько часов назад была гидравлическая рука. Пальцы не стучали. Они лежали неподвижно, и это было хуже, чем если бы стучали: стук — это нерв, это жизнь. Неподвижность — это смерть.

— Это кальмар, — сказал Виктор наконец. — Тот самый, что закрыл разлом. Его тело разложилось, но оно всё ещё там. Пульсирует, потому что разлагается. Потому что бактерии перерабатывают органику. Это не аномалия. Это труп.

Лебедев посмотрел на него. Долго, внимательно. И Виктор увидел в его глазах неверие. Лебедев не верил ему. Знал, что это ложь. Но не стал спорить. Не стал настаивать.

— Понятно, — сказал он наконец. — Труп.

— Да, — ответил Виктор. — Труп.

— Тогда всё в порядке, — сказал Лебедев. — Тогда Бездна действительно пуста. Тогда мы можем спать спокойно.

Он сказал это так, что Виктор понял: учёный не спит спокойно. Лебедев знает, что Виктор лжёт. Знает, что внизу есть нечто большее, чем труп кальмара. Но молчит. И Виктор понял почему.

Лебедев боялся. Боялся не Виктора, не Красса, не Волковой. Он боялся правды — той самой правды, которую Аня хотела сказать миру. Той правды, которая убьёт людей. Лебедев — учёный, он знал, что знание может убить. Что есть вещи, которые лучше не знать. Тайны, которые лучше оставить похороненными.

И Лебедев выбрал молчать. Так же, как выбрал молчать Виктор.

— Хорошо, — сказал Вольф. — Тогда мы сказали всё, что должны были сказать. Мы извинились. Признали свою вину. Готовы принять наказание.

— Наказание будет, — сказала Волкова. Голос её был ровным, без эмоций. — Но не сейчас. Сейчас нам нужно строить. Строить мир, в котором больше не будет Советов, решающих, кто достоин жить. Мир, в котором правда будет важнее лжи. В котором люди будут важнее расчётов.

Она посмотрела на Виктора. И в её взгляде был вопрос, на который он не знал ответа.

— Капитан Громов, — сказала Волкова. — Что вы будете делать дальше?

Виктор посмотрел на неё. Потом на Вольфа, Морозову, Лебедева. Потом на Красса у двери. Потом на Аню, на Дэна. И понял, что не знает ответа. Что он спустился в Бездну, нашёл там нечто, изменившее его навсегда, солгал миру, предал Елену, предал двенадцать человек с «Горгоны», предал себя — и не знает, что будет делать дальше.

— Не знаю, — сказал он. — Мне нужно подумать.

— Хорошо, — сказала Волкова. — Подумайте. Но знайте: мир ждёт вас. Ждёт лидера. Человека, который спустился в Бездну и вернулся. Человека, который знает правду.

Виктор посмотрел на неё и увидел в её глазах веру: веру в то, что он — лидер. Что знает правду. Что спасёт мир.

И Виктор понял, что это — самая тяжёлая ложь из всех, что он сказал. Ложь, в которую верит не он. Ложь, в которую верят другие. Ложь, которую он не может раскрыть, потому что это убьёт их всех.

— Я подумаю, — повторил он. — И скажу вам.

Он повернулся и пошёл к выходу. Аня и Дэн — за ним. Молча, не разговаривая, не глядя друг на друга.

Они вышли на палубу. Воздух был холодным, пах солью и ржавчиной. Виктор вдохнул и почувствовал, как соль оседает на губах. Вкус «Рифа». Вкус дома, который он предал.

— Капитан, — тихо сказала Аня. — Вы солгали Лебедеву.

— Да, — ответил Виктор.

— Он знает.

— Да.

— Почему он молчит?

Виктор посмотрел на неё. Долго, внимательно. И увидел в её глазах понимание: понимание того, что Лебедев молчит по той же причине, по которой молчит Виктор. Потому что правда убьёт. Потому что ложь спасёт. Потому что есть вещи, которые лучше не знать.

— Потому что он боится, — сказал Виктор. — Так же, как мы.

Аня посмотрела на него, потом на Дэна, потом на воду — мутную, отравленную, мёртвую.

— И что теперь? — спросила она.

— Теперь мы живём, — ответил Виктор. — Живём с этой ложью. С этой виной. С этим знанием. И молимся, чтобы никто никогда не узнал правды.

— А если узнают? — спросил Дэн. Впервые за всё время.

Виктор посмотрел на него и увидел в его глазах не страх и не надежду, а вызов — вызов, который Дэн бросал ему. Вызов, на который Виктор не знал, как ответить.

— Тогда мы умрём, — сказал он. — Но не сегодня.

Он посмотрел в воду. В мутную, отравленную, мёртвую воду, которая поднималась метр за метром, день за днём, двадцать лет назад. Которая теперь остановилась. Которая теперь — их. Их ложь. Их вина. Их жизнь.

— Пойдём, — сказал он. — Нам нужно отдохнуть. Завтра — новый день.

Они пошли по платформе — молча, не разговаривая, не глядя друг на друга. Каждый думал о своём. Каждый чувствовал своё. Каждый знал, что они больше не те, кем были. Что они — лжецы. Предатели. Убийцы того, что могло спасти их всех.

И что они будут жить с этим. Будут нести это. Будут молчать об этом.

До конца своих дней.

ГЛАВА 5. ТРЕЩИНА

Виктор не спал.

Он лежал на койке в своей каюте на «Призраке» — узкой, тесной, с потолком, до которого можно было дотянуться рукой, — и смотрел в металлическую переборку. На ней кто-то очень давно оставил царапину в форме буквы «Ж». Виктор не знал, что она значит. Может, имя. Может, слово. А может, просто случайный след ногтя человека, которому было страшно.

За переборкой — вода. За водой — Бездна. В Бездне — то, что он видел. То, что он отрезал. То, о чём солгал.

Он закрыл глаза — и сразу увидел нити.

Не такие, какими они были на самом деле: тонкие, светящиеся, пульсирующие. А другие — толстые, чёрные, липкие. Они тянулись из переборки, из потолка, из пола, обвивали его тело, проникали под кожу, в мышцы, в кости. Он чувствовал их — не боль, а что-то хуже: присутствие. Чужое, холодное, безразличное присутствие чего-то, что читает его, как читают книгу, которую не жалко закрыть.

Перед ним возникла Елена.

Она стояла перед ним — не такой, какой он её помнил, а другой: молодой, с карими глазами, в которых золотинками играли отблески света. Она улыбалась той улыбкой, которой улыбаются люди, знающие, что скоро умрут, и не желающие омрачать чужую последнюю минуту своим страхом. Она что-то говорила, но он не слышал слов. Только треск — треск разлагающейся плоти, бактерий, перерабатывающих органику. Труп кальмара. Труп Елены. Труп двенадцати человек с «Горгоны».

Он проснулся с криком.

Крик был коротким — он сам оборвал его, зажав рот ладонью. Сердце колотилось так, что он чувствовал его в висках, в горле, в кончиках пальцев. Кожа была мокрой — не от пота, а от чего-то холодного, липкого, будто нити действительно были здесь и оставили след.

Виктор сел на койке. Посмотрел вокруг.

Каюта была пустой. Переборка — целой. Потолок — на месте. Царапина в форме «Ж» смотрела на него — немая, безразличная.

Он провёл ладонью по лицу. Ладонь была сухой. Никаких нитей. Никакого присутствия. Только он сам — и его страх, который он носил в себе, как носят занозу: не замечая, пока не наступишь на неё босой ногой.

Взглянул на часы. Три часа ночи. До рассвета — ещё четыре часа. До встречи с Волковой — шесть. До выступления перед миром — восемь.

Восемь часов, за которые он должен решить: что сказать. Что соврать. Что скрыть. Что отдать.

Он встал, оделся и вышел в коридор.

Коридор «Призрака» был узким и тёмным, с красной аварийной подсветкой, которая не выключалась даже днём. Виктор шёл по нему босиком: кресло капитана было в рубке, а ему нужно было подумать. Не о выступлении. Не о Волковой. О том, что он видел внизу. О том, что сделал. О том, что собирается делать дальше.

У двери рубки он остановился.

Из-за двери доносился звук — тихий, ритмичный, знакомый до мелочей: стук пальцев по консоли. Дэн.

Виктор нахмурился. Дэн не работал по ночам. После возвращения он часами сидел у консоли манипулятора, просто глядя на пустое место, где раньше была рука. А сейчас, в три часа ночи, он стучал. Пальцы вернулись к работе.

Виктор открыл дверь.

Дэн сидел у консоли сонара — не манипулятора, как ожидал Виктор, а именно сонара. Перед ним горели экраны: не один, а три. На каждом — данные. Данные, которые Виктор узнал не потому, что они были новыми, а потому, что были старыми: записи их погружения. Сонар «Призрака» фиксировал всё автоматически, каждую секунду, на протяжении всего спуска.

— Дэн, — сказал Виктор.

Инженер не обернулся. Он продолжал стучать — быстро, точно, с той сосредоточенностью, которая бывает у людей, нашедших то, что искали.

— Ты знаешь, — сказал Дэн, не поднимая головы, — что сонар «Призрака» пишет всё? Каждую секунду. Каждую пульсацию. Каждое изменение давления. Каждую аномалию.

Виктор промолчал. Он понял, куда ведёт этот разговор, — понял раньше, чем Дэн успел договорить.

— Всё, — повторил Дэн. — Включая то, что мы видели на глубине одиннадцати тысяч метров. Включая аномалию размером четыреста метров. Включая пульсацию с интервалом в четыре секунды.

Наконец он обернулся. Посмотрел на Виктора. В его глазах не было гнева, не было обвинения. Было другое — то, что Виктор видел у него лишь однажды, много лет назад, когда они вместе чинили компенсатор на старом «Левиафане». Тогда Дэн нашёл трещину, которую все остальные пропустили. Сейчас на его лице было то же выражение: лицо человека, который знает, что прав, и боится, что его правда окажется никому не нужной.

— Я скопировал данные, — сказал Дэн. — Все. На внешний носитель. Он у меня в кармане.

Виктор вошёл в рубку и закрыл за собой дверь.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы проверить, — ответил Дэн. — Чтобы убедиться, что я не сошёл с ума. Что я не придумал то, что видел внизу. Что нити были реальны. Что сеть была реальна. Что Елена...

Он замолчал, не закончив.

— Что Елена? — спросил Виктор.

— Что она не просто умерла, — тихо сказал Дэн. — Что она стала чем-то другим. Что она... там. В сети. Что она — часть.

Виктор сел в соседнее кресло и посмотрел на экраны: на данные, графики, на пульсирующую линию аномалии. Он видел это всё раньше — своими глазами. Но сейчас, глядя на плоские линии на тусклых экранах рубки, он почувствовал, как внутри что-то сжимается. Не страх. Не вина. Что-то большее: осознание, что ложь, которую он сказал, не просто слова. Это стена, за которой он запер то, что видел. И стена эта тоньше, чем ему казалось.

— Дэн, — сказал он, — если ты покажешь это кому-то...

— Я знаю, — перебил инженер. — Ты скажешь, что правда убьёт людей. Что они сойдут с ума. Что потянутся вниз миллионами. Что сеть их переработает.

— Это правда.

— Может быть, — ответил Дэн. — А может, и нет. Может, люди справятся. Может, найдут способ. Может, не захотят становиться частью, а захотят понять. Изучить. Научиться жить рядом.

— Ты не веришь в это, — сказал Виктор. — Иначе ты бы уже показал данные Волковой. Дэн посмотрел на него долго и внимательно.

— Нет, — признался он. — Не верю. Я боюсь. Боюсь, что ты прав. Что правда убьёт. Что люди не справятся. Что сеть — не друг, не враг, а просто сила, которая нас перемалывает.

— Тогда зачем ты копался в данных?

— Потому что я не могу жить с ложью, — сказал Дэн. — Не могу каждый день смотреть тебе в глаза и делать вид, что ничего не было. Не могу видеть, как Аня страдает, потому что она тоже видит нити, тоже чувствует Елену, тоже знает, что мы солгали. Не могу притворяться, что всё в порядке.

— А что ты хочешь?

— Не знаю, — ответил Дэн, и в его голосе была такая усталость, что Виктор понял: инженер не спал столько же, сколько и он. Не потому, что не мог, а потому, что боялся закрыть глаза. Боялся увидеть то же, что и Виктор: нити, Елену, труп. — Хочу, чтобы кто-то сказал мне, что делать. Чтобы кто-то взял эту тяжесть и понёс её за меня. Сказал: «Вот правда. Вот что мы с ней делаем. Вот как мы живём дальше».

— Я не могу, — сказал Виктор.

— Я знаю, — ответил Дэн. — Поэтому и копался в данных. Надеюсь, что ты скажешь. Что признаешься. Что перестанешь нести это в одиночестве.

Виктор посмотрел на экраны. На пульсирующую линию. На аномалию, которая была не аномалией, а чем-то большим. На сеть, ждавшую их там, внизу, в темноте, в холоде, под чудовищным давлением.

— Что ты сделаешь с носителем? — спросил он.

— Не знаю, — признался Дэн. — Пока не знаю. Может, уничтожу. Может, спрячу. Может, покажу Ане. Может... покажу Волковой.

— Если покажешь Волковой, она покажет миру.

— Да.

— И тогда начнётся то, чего ты боишься.

— Да.

Виктор закрыл глаза на одну короткую секунду. Вместо нитей, сети и Елены он увидел Аню — ту, что стояла у штурвала, когда они всплывали. Ту, что сказала: «Пусть умирают, зная правду». Ту, что верила: люди справятся. Вера, которую он потерял там, внизу.

— Поговори с Аней, — сказал он.

— Зачем?

— Потому что она — единственная, кто может тебя остановить. Или единственный, кто может поддержать. Я не знаю. Но я — не тот, кто должен это решать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.